

**«ИСТИНА», «ЯЗЫК» И «РЕАЛЬНОСТЬ» В ФИЛОСОФИИ ДОНАЛЬДА
ДЭВИДСОНА**

В рамках аналитической философии четко прослеживается скепсис относительно действительности основных теорий истины. Исследуя их эвристический, методологический потенциал, можно утверждать о несостоятельности «классических» дефиниций понятия «истины». В рамках данной статьи анализируется алетический инфляционизм в контексте условие-истинностной семантики Д. Дэвидсона.

Ключевые слова: истина, язык, принцип доверия, условие-истинностная семантика, реальность, реализм, анти-реализм.

Решение той или иной практической или теоретической задачи с необходимостью предопределён способом её постановки, формой её выраженности в языке. Когда мы утверждаем об истинности некоего высказывания, что это значит? В этой связи значительным по своей важности выступает вопрос о носителях истинностных значений, который ввиду своей неоднозначности может быть истолкован превратно. Тем не менее, обозначим хотя бы контуры того, что мы называем «носителем истинностного значения». Таковыми являются суждения, пропозиции, убеждения, мысли, высказывания, предложения. Все они имеют ментально-психическую, идеальную, семантическую или же «объективную» природу.

Не вдаваясь в подробности этого (не основного в рамках данного исследования) вопроса, отметим довольно активную дискуссию, состоявшуюся вокруг него на страницах ведущих философских журналов. Среди прочих отметим аналитические работы Я. Шрамко «Истина и ложь: что такое истинностные значения и для чего они нужны» и др., в которых он приходит к выводу, что истина и ложь «посредством истинностных значений... получают убедительное истолкование как особого рода абстрактные объекты, изучением которых должна заниматься логика» [1, с. 119].

В. Горбатов в статье «Из чего «сделаны» истинностные значения?», исследуя понятие истина-ложь у Г. Фреге, заявляет о недопустимости смешения понятий «логические значения» и «истинностные значения». Относительно последних он выстраивает допущения, где они представлены как значения функций, как ценности,^[1] как интенциональные объекты, как денотаты предложений, как пробеги значений [2].

Что касается исследования П. Куслия «Является ли истина денотатом предложения?», то вывод, к которому приходит он, кажется неутешителен: «Рассмотрение истины как абстрактного объекта, являющегося денотатом предложений, остаётся в лучшем случае гипотезой или техническим приёмом, который оказывается весьма удобным» [3, с. 82]. Несколько перефразируя автора, укажем, что поиск ответа на вопрос «Что такое истина?» подобен человеку, ищущему потерянные ключи под фонарём, мотивируя свои действия тем, что под ним светлее.

Это замечание перекликается с позицией П. Вейнгартнера, которого вопрос «Что такое истина?» вводит в заблуждение, но который, тем не менее, не лишён смысла [4, с. 15]. Дабы в последующем избежать туманных вопросов, связанных с понятием истины, необходимо, следуя Л. Витгенштейну, то, о чём вообще можно сказать, можно сказать ясно. Т. е., вопрос «Что такое истина?» релевантно заменить, например, вопросом «Что значит быть истинным предложением?» и т. п.

Сравнивая в своей статье «Носители истины: предложения или пропозиции?» инфляционный и дефляционный подходы к этому вопросу, Н. Тарабанов, в частности, указывает на неоднозначную интерпретацию понятия «пропозиция»,^[2] что сближает, казалось бы, несводимые «наиболее репрезентативные разновидности алетического дефляционизма (теория избыточности и минимализм)» и инфляционные концепции [5].

Из всего этого следует, что истина выступает ничем иным, как свойством носителей истинностного значения, которое может быть выражено не иначе как посредством языка, а сама проблема истины превращается в проблему условий истинности убеждений. В этом контексте

уместным будет упомянуть Н. Гудмена, который утверждает, что «Истина... относится исключительно к тому, что говорится» [6, с. 135].

Естественно, что сколько бы мы ни говорили о языке, невозможно обойти стороной вопрос о том, как слова и языковые выражения связаны с остальной частью мира, с экстралингвистической реальностью, с тем, что говорится на языке? Т.е. вопрос о референции, выражающий специфику репрезентативных представлений о взаимосвязи языка и реальности.

Теория значения должна выполнять главную функцию, а именно продемонстрировать, как приписываются значения языковым выражениям. Реализация этой задачи возможна в том случае, когда выполнимы такие условия:

– теория должна быть композициональна, т.е. значение целого должно определяться совокупностью значений его частей и способом их соединения. Понятием «композициональность» Д. Дэвидсон разъясняет алгоритм научения языку. Здесь мы можем видеть непосредственное влияние на позицию американского философа идей Г. Фреге и Л. Витгенштейна периода «Логико-философского трактата»;

– теория должна соответствовать принципу холизма. Это означает, что поскольку элементарной коммуникативной единицей выступает не слово, а предложение, то значение слова определяется функцией, систематически выполняемой им в предложениях, часто в них повторяясь. Если мы можем утверждать, что понимаем то или иное предложение, то мы с уверенностью можем утверждать, что нам знакомо значение слов, составляющих это предложение, а значение предложения можно задать посредством условий его истинности.^[3]

По мнению Л. Макеевой «Анализ языка служит ключом к выявлению структуры и содержания реальности..., ...изучая феномен языка, его общие черты и механизмы функционирования, можно составить представление и об онтологическом строении мира, т.е. установить, что имеет статус существующего» [7, с. 15].

Вопрос о связи языка и экстралингвистической реальности достаточно объёмен и предполагает поливариативность его осмысления, в его различных пластах репрезентации. Чтобы понять специфику этой связи или, по крайней мере, приблизиться к её пониманию, мы с необходимостью должны уяснить для себя несколько важных вопросов, среди которых можно выделить такие:

- что собственно представляет собой язык;
- какова функция языка в системе взаимоотношения человека и действительности?
- чем являются смысл и значение слов и какова связь между обозначающим, значением и обозначаемым?
- каким образом может быть проинтерпретирован феномен референции, особенно в его связи с понятием истины?

Так или иначе, отвечая на поставленные вопросы, в аналитической философии сложилось несколько моделей, описывающих феномен зависимости языка и реальности:

- a) язык отображает структуру реальности;
- b) язык не отображает, но выявляет структуру реальности;
- c) язык конструирует реальность;
- d) язык и реальность нейтральны по отношению друг к другу;
- e) язык выступает одним из механизмов практического освоения человеком реальности.

По мнению М. Лебедева и А. Черняка «наиболее естественным, общим и прочным типом связи языка и реальности является соответствие и основанная на нём репрезентация» [8, с. 5]. Это подразумевает, что структуры языка неким образом соответствуют структурам реальности, о которой идёт речь на этом языке, а изменения в реальности естественным образом детерминируют и изменения в языке. Таким образом, позицию, занимаемую философами в этом вопросе, можно охарактеризовать как реалистскую, которой в большей степени присущи тезисы а) и с), а также корреспондентная теория истины.

Подобная реалистская позиция была характерна для многих аналитических философов, в чём, в какой-то мере, можно видеть корреляцию с позитивистскими тенденциями и доминированием физикализма. Конструктивная критика и логицизма, и физикализма, несколько подорвала позиции реализма, нашедшая своё выражение в переосмыслении функций языка и, соответственно, вопроса об истине.

Всё чаще стали говорить о кризисе в аналитической философии, об утрате ею «жизненной силы», идентичности, что звучит несколько предвзято к самой аналитической философии. Если

даже допустить возможность кризисных состояний, то ничего смертельного в этом нет. Наоборот, это стимулирует поиск новых возможностей, переосмысление прежних установок и созидание на этой почве новых. Ясно одно, и с этим трудно не согласиться, «цементирующей» аналитическую философию в одно целостное направление мысли силой является общее признание анализа языка как важнейшего метода философствования философов-аналитиков.

По утверждению Дж. Пассмора «Философия языка... привлекла поразительное количество наиболее талантливых философов. В действительности, «язык» стал ключевым понятием в послевоенной культуре в целом, подобно тому как «атом» был таким понятием в XVIII в. и «развитие» в XIX в.» [9, с. 83-84]. Одним из таких «наиболее талантливых философов» был Д. Дэвидсон, который снискал себе славу оригинального и влиятельного, но в то же время и «трудного для понимания».

Одним из основных в философии Д. Дэвидсона можно назвать вопрос о соотношении языка и реальности: «Когда мы совместно пользуемся некоторым языком..., мы принимаем также картину мира, которая в своих общих чертах должна быть истинной. Отсюда следует, что, выявляя общие особенности нашего языка, мы выявляем общие особенности реальности» [10, с. 343].

Можно предположить, что такая позиция Д. Дэвидсона в вопросе о соотношении языка и реальности характеризует его как реалиста, приверженца корреспондентной теории истины. И в этом есть резон. Но, как указывает В. Ладов, концепция американского философа «оказывается амбивалентной, содержащей в себе такие элементы, которые могли бы быть использованы каждой из противоборствующих сторон (реалистами и анти-реалистами – Л. А.) в свою пользу» [11, с. 13].

Во-первых, Д. Дэвидсон выстраивает свою теорию на фундаменте семантической теории истины А. Тарского, являющейся частным случаем корреспондентной теории истины, репрезентирующей реалистскую тенденцию в аналитической философии. В этом контексте мы (вслед за В. Ладовым) склонны видеть в Д. Дэвидсоне реалиста. Хотя Л. Макеева склонна мыслить иначе. Доказывая, что «семантическая теория истины является теорией истины в ином смысле, чем традиционные теории вроде корреспондентной...», она приводит два аргумента в пользу этого тезиса [7, с. 152]:

1) «традиционные теории вроде корреспондентной» могут быть сформулированы обыденным языком, тогда как А. Тарский основное внимание уделял аксиоматизации искусственных языков;

2) «традиционные теории вроде корреспондентной» нацелены на определение интенционала понятия «истина», тогда как перед А. Тарским стояла задача определения экстенционала этого понятия.

Не вдаваясь в дискуссию, поскольку это тема уже другого исследования, выскажем допущение, что предложенная А. Тарским «Т-схема» устанавливает критерий материальной адекватности: высказывание «снег белый» будет истинным тогда и только тогда, когда в экстралингвистической реальности будет иметь место факт белизны снега, т.е. установление истинности того или иного высказывания напрямую зависит от его корреляции с описываемым им действительным положением вещей.

Ну и наконец, во-вторых, реализм Д. Дэвидсона подтверждает его изыскания в области установления взаимосвязи истины, языка и реальности, трансформирующие теорию значения в теорию интерпретации, которую философ репрезентирует как теорию понимания идиолекта оппонента, в рамках которой важное место занимает «Charity»-принцип.^[4]

Кажется, что Д. Дэвидсон несколько абсолютизирует «Charity»-принцип, который определяет истинность допущения того, что и проponent и оппонент видят вещи такими, какими они есть, что говорящие указывают на одни и те же события, факты, явления, по-разному только называя их. Иначе говоря, интерпретируя высказывания своего собеседника, мы должны доверять тому, что он видит мир так же «правильно», как и мы. Мало того, мы ещё должны доверять и его способности рационально выстраивать не только образ своих мыслей, но и действий. Но об этом далее.

Однако, как указывает В. Ладов, все доводы в пользу реализма Д. Дэвидсона «начинают терять свою убедительность, если мы поставим под сомнение однозначность интерпретации тех оснований, на которых они выстроены» [11, с. 18]. Острие критики направлено на теорию истины А. Тарского, ориентация на которую предопределило отнесение Д. Дэвидсона к сторонникам реализма. В рамках сложившейся критики теории А. Тарского К. Райтом и Р. Рорти, семантическая теория польского логика рассматривается не с точки зрения инфляционизма,^[5] а с позиции дефляционизма.

Дефляционизм лишает понятие «истина» эпистемологической и онтологической полноты, считая его излишним. Понятие «истина» является исключительно категорией лингвистики и ограничено пределами языка. «Истина» - это только связующее звено между объект-языком и метаязыком, выстраивающее общую иерархию метаязыков. При этом референция метаязыка вообще не обсуждается: «Исходя из теории Тарского, мы не должны задавать вопрос «Что это такое – белый снег?» Мы можем заключить лишь то, что если мы считаем, что снег белый, то говоря «снег белый», мы говорим истину» [11, с. 19].

Это первый аргумент против Дэвидсона-реалиста. Здесь следует несколько пояснить сложившуюся ситуацию. Мы открыто не говорим (а, по всей видимости, об этом не говорит и сам Д. Дэвидсон), что американский философ был сторонником анти-реализма. Но если мы трактуем теорию истины А. Тарского с позиции дефляционизма, то, тем самым, мы разрушаем представление о реалистской позиции и самого Д. Дэвидсона. Затруднительным в этом контексте оказывается заключение о реалистских следствиях из его концепции.

Следствием этой критики выступает и иное понимание дэвидсоновской теории интерпретации и «Charity»-принципа. Ввиду излишества понятия истины и конвенционального характера семантики Д. Дэвидсона, истинными теперь будут считаться не убеждения, адекватно репрезентирующие реальность, а убеждения в рамках единой когерентной системы взглядов, своего рода подобия в восприятии. А поскольку когерентизм репрезентирует анти-реалистическую модель в аналитической философии, постольку и теорию Д. Дэвидсона в связи с последними замечаниями следует признать анти-реалистской. В этом, собственно, и выражается амбивалентность подхода американского философа, подтверждающего слова Дж. Пассмора о трудности понимания его теории.

М. Лебедев в свою очередь утверждает, что представления Д. Дэвидсона о природе истины, языка и реальности «трудно позиционировать относительно метафизической контрверзы реализма/анти-реализма» [10, с. 263]. Аргументирует он свою позицию исходя из дэвидсоновского неприятия как скептицизма, так и релятивизма в вопросе об истине. Реализм, допускающий возможную ложность максимально верифицированных теорий, представляет истину как «Ding an sich», недоступную нам вследствие такой скептической позиции. Анти-реализм же абсолютизирует относительность истины, отрицая идею её объективности.

Одним из ключевых понятий, проясняющих взгляды Д. Дэвидсона на природу истины, языка и реальности, является понятие «концептуальной схемы», которая является способом организации опыта; системой категорий, придающих форму чувственным данным; точкой зрения индивидов, культур и эпох [12, с. 144]. Таким образом, концептуальная схема представляет собой индивидуальную картину мира, образуемую системой ментальных репрезентаций.

Разные концептуальные схемы, т.е. разные языки (имеется в виду не только естественные языки, но и, например, язык науки) включают различные метафизики. Поэтому адекватный перевод одной концептуальной схемы (одного языка) в другую концептуальную схему (другой язык) абсолютно невозможен. Учёные, работающие в различных концептуальных схемах, в различных научных традициях, фактически заняты исследованием различных миров. А посему о таком понятии как «объективная истина» говорить не приходится, поскольку она увязана с конкретной концептуальной схемой, вне которой истинное утверждение может быть расценено как ложное или бессмысленное. «Даже сама реальность, – пишет американский философ, – относительна к схеме: то что считается реальным в одной системе понимания, может не считаться таковым в другой» [12, с. 144-145].

Но Д. Дэвидсон всё-таки стремится отстоять объективность истины: «Отбрасывая свою зависимость от понятия неинтерпретируемой реальности как чего-то находящегося вне всех схем и науки, мы не отказываемся от понятия объективной истины. Напротив, как раз приняв догму дуализма схемы и реальности, мы получаем концептуальный релятивизм и относительность истины к схеме. Без этой догмы релятивизм остается в стороне. Конечно, истина предложений является относительной к языку, но она объективна настолько это возможно. Отказываясь от дуализма схемы и реальности, мы не отбрасываем мир, а восстанавливаем непосредственный доступ к знакомым объектам, чьи «гримасы» делают наши предложения и убеждения истинными или ложными» [12, с. 159].

А для этого необходима несколько иная эпистемологическая позиция, а именно: рассматривать понятие истины не в плоскости верификации утверждений, а в плоскости коммуникации, т.е. произвести социализацию истины. Реабилитация истины, таким образом, происходит не на основе отыскания общего основания или когерентизма теорий, а на принципе

доверия к носителям другого языка, последователей другой концептуальной схемы. Чтобы интерпретировать убеждения агента речи, следует ассимилировать их к нашим собственным воззрениям. Вот как об этом говорит сам философ: «Доверие воздействует на нас, хотим мы этого или нет, и если мы стремимся понимать других, мы должны считать их правыми по существу. Создав теорию, которая согласовывает доверие и формальные условия для теории, мы сделаем всё, что может быть сделано для обеспечения коммуникации. Больше невозможно, да ничего большего и не нужно» [12, с. 158]. Как видим, одним из ключевых в философском наследии Д. Дэвидсона, как и многих других аналитических философов, выступает понятие истины, раскрывающее сущностные характеристики теории значения американского философа и являющееся основополагающим для его «метода истины в метафизике».

Подводя итог, укажем на тот факт, что в представлении Д. Дэвидсона не существует возможности внеязыковых критериев истинности, поскольку невозможно выйти за пределы языка, концептуальной схемы. Во всех случаях употребления языка должны быть единые убеждения в критериях истины, обосновывающиеся в терминах языка, но не мира. В этом-то и заключается известный «Charity»-принцип американского философа. Следует отбросить «третью догму», дуалистическое противостояние языка и экстралингвистической реальности, ибо язык не придаёт утверждениям объективности, а теория корреспонденции не работает во многих схемах. «Соответствие без конфронтации» – таков принцип философии Д. Дэвидсона.

Литература:

1. Шрамко Я. Истина и ложь: что такое истинностные значения и для чего они нужны / Я. Шрамко // Логос. – 2009. – №2(70). – С. 96-121.
2. Горбатов В. Из чего «сделаны» истинностные значения? / В. Горбатов // Эпистемология & философия науки. – 2010. – Т. XXV. – №3. – С. 82-94.
3. Куслий П. Является ли истина денотатом предложения? / П. Куслий // Эпистемология & философия науки. – 2010. – Т. XXIII. – №1. – С. 67-83.
4. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины / П. Вейнгартнер. – М.: РОССПЭН, 2005. – 352 с.
5. Тарабанов Н. Носители истины: предложения или пропозиции? / Н. Тарабанов // Вестник ТомГУ. – 2012. – №354. – С. 51-54.
6. Гудмен Н. Способы создания миров / Н. Гудмен. – М.: Идея-Пресс, Праксис, 2001. – 376 с.
7. Макеева Л. Язык, онтология и реализм / Л. Макеева. – М.: ИД ВШЭ, 2011. – 310 с.
8. Лебедев М. В. Значение, истина, обоснование / М. Лебедев. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.
9. Пассмор Дж. Сто лет философии / Дж. Пассмор. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 496 с.
10. Дэвидсон Д. Метод истины в метафизике / Д. Дэвидсон // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. 343-360.
11. Ладов В. Философия языка Д. Дэвидсона в контексте онтологической проблематики / В. Ладов // Философия науки. – 2009. – №4(43). – С. 12-23.
12. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы / Д. Дэвидсон // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 144-159.

Лебідь А. Є. *Истина, мова та реальність у філософії Д. Девідсона. У межах аналітичної філософії чітко простежується скепсис щодо дієвості основних теорій істини. Досліджуючи їх евристичний, методологічний потенціал, можна стверджувати про недієвість «класичних» дефініцій поняття «істина». У даній статті аналізується потенціал алетичного інфляціонізму в контексті умово-істиннісної семантики Д. Девідсона.*

Ключові слова: істина, мова, принцип довіри, умово-істиннісна семантика, реальність, реалізм, антиреалізм.

Lebed A. E. *Truth, language and reality in Donald Davidson's philosophy. The aim of this article is to study Donald Davidson's theory of truth. Many philosophers think that the main problem of analytical philosophy is the problem of truth, like D. Davidson does. My paper takes issue both with the standard view that the Davidson's philosophy contains a correspondence theory and with recent suggestions that it features a correspondence theory. But this is disputable meaning.*

Keywords: truth, language, charity-principle, truth conditional semantics, reality, realism, anti-realism.

^[1] Этот смысл истинностного значения связан с пониманием Г. Фреге логики как нормативной дисциплины.

© Лебедь А. Е., 2014.

^[2] Отдельно следует упомянуть о дискуссии между В. Суровцевым и Е. Ледниковым по поводу корректного перевода термина «proposition», развернувшуюся на страницах журналов «Вопросы философии» и «Логос».

^[3] Идея о том, что значение предложения можно задать посредством условий его истинности получила название «Truth conditional semantics» (условие-истинностная семантика) и означает, что для понимания предложения излишним является знание того, истинно ли оно или ложно. Достаточным же является знание о том, что имеет место в экстралингвистической реальности, когда мы утверждаем об истинности предложения, описывающего её.

^[4] Этически ангажированное «charity» (доверие, милосердие, великодушие) не резонирует со спецификой теории Д. Дэвидсона, у которого это понятие несёт ярко выраженный эпистемологический характер. Поэтому, резонно в данном контексте использовать более «нейтральный» термин «доверие» (по отношению к разумности, рациональности собеседника).

^[5] В рамках инфляционизма истине приписывается абсолютный ценностно-нормативный статус, определяемый самой реальностью, что влечёт необходимость эксплицитного её (истины) определения и субстанционального обоснования.